

ЛИНГВИСТИКА

УДК 81'37

КОГНИТИВНЫЕ И ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ НАИМЕНОВАНИЙ ЛИЦА ПО ПЕРЦЕПТИВНОМУ ДЕЙСТВИЮ

О. Ю. Авдевина

Саратовский государственный университет
E-mail: olga.rosauz@gmail.com

В статье на материале анализа функционирования единиц, называющих лица по перцептивным действиям, предлагается интерпретация некоторых особенностей, присущих как данной группе лексики, так и всей категории наименования лица, характеризующейся, в сравнение с другими видами наименований, лингвистическими и когнитивными закономерностями возникновения и развития.

Ключевые слова: наименование лица, индивид, индивидуальный концепт, перцептивный процесс, предикативное употребление, социальные аспекты семантики, дискурсивная функция.

Cognitive and Linguistic Characteristics of Naming a Person by a Perceptive Action

O. Yu. Avdevnina

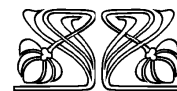
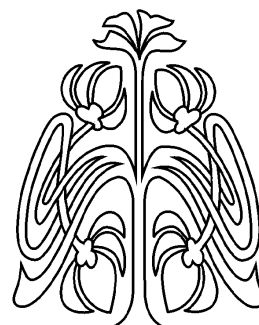
Based on the material of the analysis of how the units naming persons by perceptive actions function, the article offers the interpretation of some peculiarities inherent to this group of words, as well as to the whole category of person naming which is distinguished, as compared to other types of naming, by linguistic and cognitive principles of origin and development.

Key words: person naming, individual, individual concept, perceptive process, predicative usage, social aspects of semantics, discursive function.

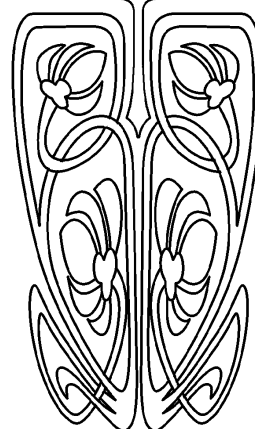
Наименование лица – один из самых интересных и неоднозначных результатов номинативных процессов языка. Эта номинация особенна тем, что объектом ее является человек и осуществляется она, естественно, человеком. Таким образом, в этом процессе присутствуют две персоналистические позиции: субъекта и объекта номинативного процесса. В лингвистической теории языковой субъективности они рассматриваются как две основные ее формы. Первая названа собственно *субъектом*, а вторая обозначена как *индивид*. Субъект в номинации – это носитель предметно-практической деятельности и познания, индивид – обозначение единичного в отличие от совокупности, отдельный человек¹. Субъект – аналог референта, индивид – аналог денотата в лингвистической логике².

Универсальной функцией номинативного процесса является словесное оформление понятия о предмете. В основу понятия ложится какой-либо существенный или даже не очень существенный признак предмета, по которому его можно отличить от других предметов (*сахарница* – признак «содержимое», *жестянка* – признак «материал»).

В случае с наименованиями лица номинация это вербализация процесса идентификации человека – выделения тех признаков, которые отличают его от других людей, а не отождествляют с ними. Поэтому трудно представить возникновение таких характеристик и наименований лица, как *двурукый*, *двуглазый* (подавляющее большинство людей имеет две руки и два глаза), зато вполне частотны такие слова, как *однорукый*, *одноглазый*, *горбун*, *лысый*, *хромой* и т. п., выступающие и как признаки внешности, и как наименования лица (*Хромой при виде полицейского спешно скрылся в толпе*).

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Такие признаки могут быть самыми разными. Какие-то из них являются универсальными для всех языков, и на их основе образуются типичные в языковой ономастике единицы: термины родства, наименования по полу, возрасту, национальности, месту жительства, признакам внешности, чертам характера и т. п.

Несмотря на общую для любого вида номинации тенденцию к формированию понятия, процесс наименования индивида концептуально и функционально отличается от номинации других объектов. Возникающее наименование всегда сохраняет приблизительность идентификации и ситуативность употребления³. Мы называем человека *добряком*, *богачом*, *грузином*, *блондином* или *солдатом* в определенных референциальных условиях, которые могут быть изменены в зависимости от ракурса идентификации этого человека, аспекта его характеристики. В одной ситуации он *добряк*, в другой – *старик*, в третьей – *профессор*, и так до бесконечности. Если у неодушевленного предмета ограниченное количество наименований (например одно – *стол*), то у лица их много. Такая множественность характерна больше для признаков, чем для предметных имен (*добрый*, *старый*, *умный*). Уже в этом проявляется определенное функциональное и семантическое сходство наименований лица и признаков слов, например прилагательных⁴.

Ни одно из многочисленных наименований лица не может считаться обозначением *понятия* о человеке как индивиде (см. выше) или личности⁵. Это имеет в виду и Ю. С. Степанов, когда, говоря о когнитивной основе наименований лица, выдвигает понятие *индивидуального концепта*, полнота воплощения которого невозможна ни в одном индивидуальном имени: «...если понятие вообще есть совокупность общих и существенных признаков предмета, то по отношению к индивиду, который выпадает из непрерывной системы определений и оставляет потенциальную возможность для неограниченного перечисления признаков, любое перечисление всегда будет в большей или меньшей степени <...> произвольным»⁶.

Об этой ситуативности наименований лица свидетельствует появление такой их разновидности, как личные местоимения и «местоименные выражения»⁷ типа *господин*, *товарищ*, *Ваша милость*, *Ваше величество*, выступающие в роли обращений, или употребления типа *Молодец!* *Слепец!* *Дурак!* *Сумасшедший!* *Грубьян!*, имеющие экспрессивно-оценочную направленность, заключающуюся в том, что они характеризуют лицо, названное в контексте или подразумеваемое в речи (*Слепец!* *Я в ком искал награду всех трудов!*)⁸.

Не меньшую зависимость от назначения идентификации и условий номинации лица имеют и наименования по перцептивным действиям, к которым мы относим предметные имена, образованные от ядерных глаголов восприятия: *свидетель* – от *видеть*, *смотритель* – от *смотреть*

и т. д. *Наименования по перцептивным действиям* следует отличать от *перцептивных наименований*. Последние относятся к так называемой лингвистике видимого, рассматривающей номинативные средства вербализации зрительных впечатлений⁹. Это наименования, привязанные к ситуации восприятия, например, номинация по признаку «наблюдаемое занятие». С. Ю. Семенова вычленяет этот признак, в частности, в именах исполнителей некоторых сезонных сельскохозяйственных работ (*косари*, *жницы* и др.) или в названиях лиц, которых говорящий-наблюдатель в момент речи видит за спортивным занятием, – *конькобежцы*, *лыжники*, *бегуны*¹⁰.

В отличие от таких обозначений наименования по перцептивным действиям¹¹ включают в свое содержание иные компоненты процесса восприятия, связанные не с описанием объекта, а с характеристикой субъекта перцепции. Будучи отглагольными образованиями, такие слова, как *свидетель*, *очевидец*, *наблюдатель*, *созерцатель*, *смотритель*, *надзиратель*, *соглядатай*, *надсмотрщик*, *зритель*, *слушатель* и т. п., базируются на семантическом признаке «отношение человека к процессу восприятия». В их возникновении выявляется множество закономерностей, обусловленных языковыми представлениями о психологии, социологическом содержании и онтологической глубине этого процесса как одного из модулов человеческой психики.

В свете сказанного выше о специфике номинации лица одной из таких закономерностей является преимущественно предикативная направленность употреблений этих слов. Какую бы роль они ни выполняли в предложении и какое бы значение ни развивали, семантически они почти всегда выступают предикатом к известному или подразумеваемому субъекту: *ты будь свидетель этих слов*, *я сам очевидец наводнения* и т. п. Именно предикативность употребления этих слов способствует тому, что в них развиваются интерпретативные, оценочные компоненты значения. Это одна из конструктивно-семантических моделей функционирования таких слов: «кто-то есть свидетель (очевидец) чего-то».

Даже если в предложении нет указания на субъекта, он имплицитно содержится в моделируемой ситуации. Например, в высказывании: *Но вы же сейчас при свидетелях только что признались, что были в тот час на месте преступления* (Л. Андреев. Христиане)¹² – *свидетелями* названы люди, присутствующие в данной ситуации, с конкретными именами, социальными и прочими характеристиками, позволяющими конкретно идентифицировать их личности. Однако слово *свидетели* выступает обобщенно-собирательным обозначением этих людей по их социальной роли в данной конкретной ситуации.

В высказывании: *По рассказам очевидцев, с балконов домов и с харьковских каштанов (преобладающая порода харьковского дерева) свисали*

странными плодами трупы мужчин и женщин (Э. Лимонов. У нас была Великая Эпоха) – очевидцы – это современники описываемых событий, жители города Харькова и т. д. В каких-то источниках можно найти, вероятно, и имена некоторых из них, и сведения, проясняющие их личности. Однако словом *очевидцы* они объединены в собирательное единство, и социальная их роль обобщена и несколько сужена. Развитию этого обобщенно-собирательного значения отчасти способствует форма множественного числа этих употреблений.

В наименовании лица невозможно формирование понятия о данном человеке (*индивидуального концепта*). По наблюдениям Ю. С. Степанова, возможно только установление *меры индивидуальности*¹³. Одним из ее критериев является выполнение словом предикатной или субъектной семантической роли: «Окончательно мера индивидуальности – и, соответственно, функция быть субъектом или предикатом – устанавливается для имени в предложении; предложение вне контекста не предрешает какого-либо единственного членения на субъект и предикат, но более индивидуальное из двух имен тяготеет к нормальному прочтению его как субъекта, а менее индивидуальное – как предиката» (выделено нами. – О. А.)¹⁴. Предикаты же, по меткому замечанию Ю. С. Степанова, не именуются¹⁵, то есть названные выше единицы (*свидетель*, *наблюдатель* и проч.) в силу своей предикативности не всегда выступают в роли наименований лица.

Более специфической закономерностью возникновения и функционирования данной категории лексики является сохранение в семантике наименования лица значения произвольности/ произвольности перцептивного действия: *очевидец* – это невольный наблюдатель событий (*видеть* – глагол перцептивного *состояния*, имеющего нецеленаправленный характер), а *смотритель* наблюдает за кем- или чем-либо специально, целенаправленно (*смотреть* – произвольное перцептивное действие).

Наименования лица в анализируемой группе лексики образуются в основном от глаголов действия: *смотреть* – *смотритель*, *глядеть* – *соглядатай*, *слушать* – *слушатель*, *нюхать* – *нюхатель* и т. п. Исключение составляют только слова *свидетель* и *очевидец*, образованные от глагола произвольного зрительного восприятия *видеть*. От других же глаголов произвольного восприятия: *слышать*, *ощущать*, *чувствовать*, *обонять*, *осязать* – наименования лица не образуются. Причина такого ограничения действия словообразовательных процессов в области перцептивной семантики заключается, на наш взгляд, в социальной функции наименования лица: человека именуют из необходимости его идентификации в социальной жизни, «для других людей», «в кругу других людей», в сравнении с другими людьми. А социальной значимостью об-

ладают не состояния (физические, психические, перцептивные, эмоциональные), а деятельность, действия, при этом – в большей степени – действия целенаправленные, осмысленные¹⁶.

Особый интерес в этой связи представляют собой слова *свидетель* и *очевидец*, не только нарушающие вышеозначенную закономерность образования слов от глаголов перцептивного действия, но и составляющие своеобразную пару синонимически сближенных единиц, по-разному репрезентирующих психологию восприятия. Слово *очевидец* обозначает: ‘Тот, кто сам видел какое-л. событие, происшествие, присутствовал при нем. (...) Не могу не рассказать здесь одного случая, который передаю со слов очевидца. Курприн. Фельдъегерем послан был к царю с известием о синопской победе... подполковник Соколов, бывший очевидцем боя. Сергеев-Ценский’¹⁷.

У слова *свидетель* словарь фиксирует большее количество и большее разнообразие значений: ‘Свидетель (*свидетельница*) 1. Человек, присутствовавший лично при каком-л. событии, происшествии, лично видевший что-л.; очевидец. – Он сам, своими собственными руками отдал этот сторублевый билет Софье Семеновне, – я видел, я свидетель. Достоевский. (...) Современник и наблюдатель чего-л. Описывай, не мудрствуя лукаво, все то, чему свидетель будешь: Войну и мир, управу государей, угодинок святые чудеса. Пушкин. 2. Лицо, располагающее сведениями об обстоятельствах уголовного или гражданского дела. Свидетель защиты. 3. Лицо, присутствующее при чем-л. для официального удостоверения подлинности или правильности чего-л. Вскрыть заветание при свидетелях’¹⁸.

Сравнение значений данных слов приводит к некоторым выводам относительно репрезентированных в них представлениях о социальном значении восприятия как психологического феномена. Прежде всего, и *очевидец*, и *свидетель* – это наблюдатели не любого события, а события социальной действительности (*очевидец драки*, *свидетель военных действий на границе*) или природного явления, которое значимо для жизни человека и социума (*очевидцы наводнения*, *свидетели извержения вулкана*). Такое событие характеризуется нерегулярностью, внезапностью, некоей исключительностью. Вот почему в художественно немаркированной речи невозможны сочетания *очевидцы дождя*, *свидетели рассвета*, *очевидец урока по литературе* и т. п. Кроме того, тот, кого называют *свидетелем* или *очевидцем*, не является причиной или активным участником этого события.

Однако степень участия *очевидцев* и *свидетелей* в характеризуемых событиях разная: *очевидцы* чаще вне событий, *свидетели* же могут быть частично в них вовлечены, они в большей степени знают подробности, более целенаправленно наблюдают за событиями. Отсюда те значения, которые появляются у слова *свидетель*: ‘быть на-

блюдателем', 'обладать сведениями' и т. п., чего нет в содержании слова *очевидец*.

Анализ лексической валентности этих слов показывает, что *очевидец* объективнее относится к событиям, менее заинтересован в их интерпретации.

Свидетель не всегда объективен. И в сочетаемости этого слова язык фиксирует меньшее к нему доверие или даже недоверие: *лживый свидетель, продажный свидетель, фальшивый свидетель* (ср. невозможность сочетаний: *лживый очевидец*). Возникает необходимость в создании специальных обозначений, подчеркивающих объективность конкретного свидетеля: *благородный свидетель: Были благородные свидетели: все видели, как он с презрительным видом усмехнулся.* Салтыков. *Соглядатай француз – вот истинный мастер своего дела. Он облюбовал и направил свою жертву издалика, почти не прикасаясь к ней и строго стараясь держаться в стороне, в качестве благородного свидетеля.* Салтыков. Ср. *Classicus testis*. Надежный свидетель¹⁹; **очевидный свидетель**: «*Témoін ocular – свидетель очевидец*»²⁰ и даже **личный свидетель**.

Очевидец не обязательно должен рассказывать об увиденном, он может быть молчаливым хранителем сведений о происшествии, *свидетелем* же называют того, кто интерпретирует, а значит, с той или иной целью рассказывает о том, что наблюдал. Поэтому слово *свидетель*, в отличие от слова *очевидец*, связывает зрительное восприятие с речью, что объясняет, во-первых, развитие соответствующих значений слова: *выступить свидетелем, показания свидетеля*, во-вторых, образование новых слов с семантикой 'речь', 'письменный документ': *свидетельствовать* 'сообщать что-л., подтверждать что-л. в качестве очевидца или осведомленного, знающего лица'; *свидетельствоваться* 'устар. ссылаться на кого-л. как на свидетеля (...)'²¹; *свидетельство* 'письменный документ, удостоверяющий в чем-л.' и т. п.

Что касается функционирования этих слов в художественном тексте, следует отметить, что они обнаруживают несходство в предрасположенности к переносу значения и художественной концептуализации. Наиболее активно подвергается переосмыслению слово *свидетель*. Оно частотно в поэзии, в зависимости от объекта развивает те или иные оттенки значения, категоризирует разные сферы социального бытия.

Слово *очевидец* частотно в публицистике, но почти не встречается в поэзии, изредка употребляется в прозе – в тех типах контекста, которые моделируют сухой протокольный стиль повествования («Губернатор», «Иго войны» Л. Андреева, «Факультет ненужных вещей», «Хранитель древностей» Ю. Домбровского, «Мастер и Маргарита» М. Булгакова и т. п.). При этом слово употребляется в прямой своей функции – в качестве ссылки на источник информации: *по свидетельствам*

очевидцев, по рассказам очевидцев, по воспоминаниям очевидцев, как рассказывают очевидцы и т. п. Палитра его вторичных значений явно беднее, чем у слова *свидетель*.

Особенностью поэтического функционирования слова *свидетель* является «глагольность» механизмов развития семантики. Подобно тому, как значение глагола конкретизируется с помощью объекта, с которым он употребляется (ср. *учить детей* – «преподавать, наставлять» / *учить стихи* – «запоминать»), и в содержании данного слова те или иные оттенки выявляются в зависимости от объекта, с которым связана перцепция: *свидетель (чего?) тайного свидания* («случайное присутствие») / *свидетель эпохи* («современник эпохи») / *свидетели Иеговы* («проповедники, адепты религиозного учения»).

Именно этому слову свойственно выполнение дискурсивной функции. Как известно, дискурс отличается от текста нелинейной организацией знаковых единиц и отнесенностью к лингвосинергетической парадигме, а также промежуточным положением между субъективным миром человека и реальностью – с одной стороны, и между языком и речью – с другой²². «Элементами дискурса служат: излагаемые события, участники этих событий, перформативная информация и «несобытия», то есть обстоятельства, сопровождающие события, фон, оценка участников события и т. п.»²³ Употребления типа: *Бог свидетель! Я сам свидетель!* – как раз отвечают этим требованиям. Они отражают социокультурные представления о степени достоверности информации (истинно то, что фиксировано визуально и особенно лично), при этом выполняют перформативную функцию, фактически равняясь перформативам *Клянусь!*, *Заверяю вас!* и т. п. Употребления вроде: *при свидетелях, без свидетелей, свидетелей не было* – содержат указания на обстоятельства, служащие социальным фоном события и т. п.

Отдельно следует рассматривать и своеобразные коммуникативные, или в данном случае дискурсивно-коммуникативные, функции некоторых употреблений. К ним относятся призывы к реальным, виртуальным или риторическим собеседникам быть свидетелем чего-либо: *Будьте же свидетелями, братья, / Я хочу быть бедным, и таким, / Как родился – слабым и нагим, / Кинуться Спасителю в объятья!* (Д. Мережковский. Франциск Ассизский). Эта функция сочетает коммуникативную цель – обращение к собеседнику за поддержкой в словах, действиях, впечатлениях – и дискурсивные компоненты содержания.

Будучи в первичном своем номинативном статусе наименованием лица, слово *свидетель* является носителем социальной семантики (как любое наименование лица). Можно ожидать, что для радикальной семантической трансформации это слово должно «сдвинуться» в область обозначения других сфер бытия: психологии человека или онтологических представлений. Онтологи-

ческая семантика очень близка к социальной, и многие из приведенных выше значений содержат элементы представлений о всеобщем бытии, мироустройстве: такие понятия, как грех, возмездие, жизнь, смерть. Но можно отметить и движение в область психологических, духовных, морально-нравственных категорий. Например, в поэзии часто свидетелем названа совесть:

Если совесть наш свидетель, / Не ужасен смертный час, / Не ужасен гнев гоненья / И коварство не хитро. / Длинно время для терпенья, / Для веселия быстро (Г. Державин. *Время*);

Любезно дружество, любезна добродетель, / Невинность чистая, любовь, краса сердец / И совесть самая, всех наших дел свидетель. / Для них – мечта одна! (К. Батюшков. Перевод 1-й сатиры Боало);

Но мне ль, свидетель справедливый / Всех наших помыслов и дум, / Но мне ль, судья благолюбивый, / Пред коим наг хитрейший ум... (Н. Николаев. *Совесть*);

Что совести боюсь, что мне она свидетель / Всех чувств и помыслов, всех тайн моей души? (Е. Ростопчина. *Разговор во время мазурки*).

Совесть же названа и *судьею*: всеведение, объективность и бесстрастность знания о душе и жизни человека соединяются с неотвратимостью возмездия в виде раскаяния, загробного наказания за грехи: внутренний свидетель превращается во внутреннего судью, свидетель страшит не меньше судьи. Переосмысливается, конечно, не первичное, а вторичное – терминологическое – значение этого слова («свидетель на суде»). Тем разительнее контраст сфер обозначения и тем ярче метафорический перенос.

В рамках социоцентрической семантики выделяется, например, значение «современники исторических событий, социальных катастроф, духовных изменений в обществе»:

Свидетель будешь ты уже поры иной. / Быть может, наши сны сочтешь уже мечтой (А. Майков. *Сны*);

Это наше родное, кому открываешь душу. Свидетели нашего умирания. Все поверяешь им, и они так умеют слушать! (И. Шмелев. *Солнце мертвых*);

Презренного, дикого века / Свидетелем быть мне дано / И в сердце моем так могильно, / Как мерзлое это окно (И. Бунин. «Мы сели у печки в прихожей...»);

Мы много жили, / Но мало думали о том, / В какое время мы живем, / Чему свидетелями были? (Н. Некрасов. *Что поделявает наша внутренняя гласность*);

Я был свидетелем сдвигов сознания, / Геологических оползней душ / И лихорадочной перестройки / Космоса в «двадцать вторых степенях» (М. Волошин. *Четверть века*).

В роли таких современников могут выступать в том числе предметы, ландшафты, другие реалии. В этом употреблении актуализируются функция

пространственно-временной указательности и метафорическая (олицетворяющая) семантика:

Булатный щит, свидетель грозных сеч. / На том щите видна звезда с крестом, / А близ щита сверкает острый меч (И. Козлов. *Тайна*);

Вдоль не очищенной стены / Свидетель мрачной старины / Поставлен долговязый стол (Н. Языков. *Чувствительное путешествие в Ревель*);

Дубравой темной осененной, / Родной отцам моих отцов, / Мой дом, свидетель двух веков, / Поникнул кровлею смиренной (Е. Баратынский. *Пир*).

Дискурсивные употребления слова *свидетель* можно классифицировать следующим образом:

– употребление в функции заверения, клятвы, убеждения в достоверности информации (достоверно, потому что «я сам видел, сам свидетель»):

О вашей храбрости, почти невероятной, / Я сам свидетель слов его нелицемерный (М. Херасков. *Чесмесский бой*);

Я сам свидетель был, как некто добивался, / Чтоб места получить, и к судие таскался, / Но тщетно тот судью о месте сем просил (И. Хемницер. *Сатира I. На худых судей*);

А этим всем ее отчаянным словам / Свидетель точный был я сам (И. Хемницер. *Вдова*);

– еще большей клятвенной силой обладает призывание Бога в свидетели – чаще всего для заверения в правоте своих слов, чистоты намерений, истинности своих чувств, мыслей, желаний:

– Брат, скажи ты мне за ради Христа, какая у тебя корысть в этой свадьбе? Не пойму, Бог свидетель, не пойму. Дениску твоего я прямо видеть не могу (И. Бунин. *Деревня*);

Проклинает поведение / Гордость глупую мою, / Я брожу как приведение, / Но – свидетель Бог – не пью! (Н. Некрасов. *Филантроп*);

Наше сердце огрубело. / И, к свободе не привык, / А коунствует он смело, / Лживый, рабский наш язык! / Мы смиренны, – Бог свидетель! / Скучен подвиг, скучен грех... (Д. Мережковский. *Ювенал о Древнем Риме*);

Вот Бог вам, Алексей Иванович, свидетель: / Есть нечего, все дети босиком / Жену оставил я с одним лишь пятаком (А. Измайлов. *Пьяница*).

Это употребление маркировано грамматически: прежде всего, управлением формой дательного падежа местоимения, указывающего на того, кто клянется (*Клянемся все, и Бог свидетель нам, / Что мы тебе отныне все покорны, / Доколь вконец не сокрушим мечом / И лжецаря, и ляхов ненавистных* (А. Хомяков. *Димитрий Самозванец*)), или на собеседника – того, кого пытаются в чем-либо заверить (*Бог свидетель тебе, – никогда больше не попрошу!* (И. Бунин. *Хорошая жизнь*)).

Исходя из противопоставления разных степеней проявления индивидуального концепта, слова *свидетель* и особенно *очевидец* относятся к предикатным, «менее индивидуальным» именам. Они несколько не проясняют индивидуального или

личностного концепта и обладают предельно обобщенной, а в ряде случаев (бином *свидетели и очевидцы*) – собирательной семантикой.

Эту закономерность функционирования слова, восходящую к особенностям концептуализации перцептивного процесса в наименованиях лица, проиллюстрируем на примере еще одного слова, относящегося к этой группе, – *наблюдатель*.

В его содержание, согласно словарной дефиниции, входят значения: «Тот, кто наблюдает за кем-л., чем-л., наблюдает что-л. *Беспристрастный наблюдатель. Пожил человек, значит, жизнь и людей знает, – скажет о нем [Аянове] наблюдатель.* И. Гончаров. Обрыв. *Сторонний наблюдатель из какого-нибудь заросшего липами захолустного переулочка, попадая в Петербург, испытывал в минуты внимания сложное чувство умственного возбуждения.* А. Н. Толстой. Сестры. || Тот, кто по профессии, по службе занимается наблюдениями за кем-, чем-л. *Военный наблюдатель. Наблюдатели до ряби в глазах всматривались в горизонт, чтобы не пропустить дым или перископ подводной лодки.* Паустовский. Северная повесть»²⁴.

У этого слова есть две возможности быть использованным в художественном тексте: в роли семантического субъекта («более индивидуальное» употребление) и в предикатно-характеризующей роли («менее индивидуальное»). Первая воплощается в значениях конкретной профессии, чаще всего военной специальности:

– *Ложись! – жутким голосом закричал в это время красноармеец-наблюдатель, и несколько человек повалились плашмя на землю* (В. Гроссман. Жизнь и судьба);

Она узнала, что в развалинах второго этажа сидят наблюдатели-артиллеристы, передающие данные в Заволжье (В. Гроссман. Жизнь и судьба);

в значении «политический наблюдатель» (в художественном тексте не встречается) и в условно-символическом использовании этого слова в качестве наименования героя:

Наблюдатель прогуливался с друзьями, которые помогли вести подсчеты и придерживаться объективности (Д. Гранин. Зубр);

Отметку «четыре» ставили тем, на кого наблюдатель обращал внимание приятелей; отметку «пять» – тем, на кого он не обращал внимание приятелей; отметку «три» – тем женщинам, которые обращали внимание на них (Д. Гранин. Зубр).

В предикатно-характеризующей функции слово обозначает какую-либо черту человека, например, познавательное внимание к миру, умение видеть мелочи, детали, эстетически обрабатывать свои впечатления, воплощая их в своем творчестве: *Ниспровергатель, наблюдатель и повелитель Серебренников-режиссёр* (Я. Зубцова. Кирилл Серебренников. Ниспровергатель, наблюдатель и повелитель).

Художественные функции этого слова обнаруживаются уже в иллюстративной части словарной статьи: *Пожил человек, значит, жизнь и людей знает, – скажет о нем [Аянове] наблюдатель.* С помощью слова *наблюдатель* здесь обозначено некое усредненное типичное впечатление или мнение, которое производит изображенный объект: человек или предмет. Это местоименная роль – данное употребление сходно по функции с определительными местоимениями: *всякий, каждый, любой (скажет о нем всякий, кто его видит)*. Слово указывает на собирательный образ носителя типичного представления или мнения о чем-либо.

Такое употребление очень характерно для художественного текста. Назовем его обобщенно-дейктической функцией этого слова:

Нахохотавшись и поужинав, они легли спать все на той же выпирающей железными ребрами многострадальной кушетке и уснули в тесном объятии, совершенно не озабоченные некоторым нравственным неблагополучием, заметным взгляду стороннего наблюдателя, но никак не членам этой своеобразной семьи (Л. Улицкая. Путешествие в седьмую сторону света);

Из избы долетали до нас звуки того унылого голошенья, услышав которое, даже самый опытный наблюдатель не в состоянии бывает определить, что скрывается за этими взвизгиваньями и завываньями: искреннее ли чувство или простой формализм (М. Салтыков-Щедрин. Святочный рассказ);

Нужно сказать, что странного и загадочного во всех действиях Арчибалда Арчибалдовича вовсе не было и странными такие действия мог бы считать лишь наблюдатель поверхностный (М. Булгаков. Мастер и Маргарита);

Конечно, всякому волно смеяться над некоторыми их странностями, но шуточки поверхностного наблюдателя не могут уничтожить их существенных достоинств, из коих главное: особенность характера, самобытность (individualite), без чего, по мнению Жан-Поля, не существует и человеческого величия (А. Пушкин. Барышня-крестьянка).

Что касается содержания семы визуального восприятия (*наблюдатель* от глагола *наблюдать* – «внимательно следить глазами за кем-, чем-л.»), то в этих употреблениях она почти не сохраняется: слово обозначает не того, кто рассматривает что-то, а обобщенное лицо – постороннего, не заинтересованного в ситуации, потенциального интерпретатора изображенной картины (см. регулярные эпитеты: *сторонний, посторонний, поверхностный, опытный, типичный*).

Близко к этой функции использование слова в организации изображения чего-либо или повествования о каком-либо событии:

И если бы нестойкое трепетание небесного огня превратилось бы в постоянный свет, наблюдатель мог бы видеть, что лицо прокуратора с

воспаленными последними бессонницами и вином глазами выражает нетерпение, что прокуратор не только глядит на две белые розы, утонувшие в красной луже, но постоянно поворачивает лицо к саду навстречу водяной пыли и песку, что он кого-то ждет, нетерпеливо ждет (М. Булгаков. Мастер и Маргарита);

Если бы какой-нибудь наблюдатель мог проследить дальнейшие действия Арчибалда Арчибалдовича, они, несомненно, показались бы ему несколько загадочными (М. Булгаков. Мастер и Маргарита);

С террасы стеклянная дверь вела в гостиную; а в гостиной вот что представлялось любопытному взору наблюдателя: по углам изразцовые печи, кисленькое фортепьяно направо, заваленное рукописными нотами, диван, обитый полинялым голубым штофом с беловатыми разводами, круглый стол, две горки с фарфоровыми и бисерными игрушками екатерининского времени, на стене известный портрет белокурой девицы с голубком на груди и закатившимися глазами... (И. Тургенев. Гамлет Щигровского уезда);

Между тем нагоревший сальный огарок освещал чрезвычайно любопытную для наблюдателя сцену... (Ф. Достоевский. Господин Прохарчин).

Это своеобразное обозначение точки видения происходящей сцены или ракурса ее изображения, например, в отсутствии в этой сцене других героев, глазами которых она могла бы быть показанной. Этот прием может использоваться и с целью противопоставления видимого и сущностного – того, что представляется простому восприятию, тому, что составляет причины, результаты, цель, психологический фон и т. п. наблюдаемого происходящего: *Посторонний наблюдатель едва ли бы заметил, что в классе что-то случилось. Но Шарыгин чувствовал это. Двое заподозренных, охотно говорившие со всеми своими обвинителями, не замечали Шарыгина и не отвечали на его попытки вступить в примирительную беседу* (Л. Андреев. Молодежь).

Участие слова в организации художественного дискурса заключается в данных случаях в том, что в нем неявно проступает социокультурный фон повествования – представления о явлениях типичных, характерных для данного социума, носителя данной культуры, расхожем мнении, распространенном общем впечатлении и т. п.

Верность этого вывода подтверждается случаями использования слова в предикативной семантической роли: кто-то есть наблюдатель:

Живши в самую любопытную эпоху сражения старых порядков и обветшалых мнений с новыми идеями, с новыми образами, он был бесстрастным наблюдателем крайностей, беспристрастным судьей тех и других (А. Бестужев-Марлинский. Следствие вечера на Кавказских водах);

Использовали ли их для вхождения в Святую Церковь, к созиданию полноты и совершенства

Тела Христова или мы зарыли в землю талант, были сторонними наблюдателями, а может быть, и хуже того – вольно или невольно способствовали умалению и опорочиванию Церкви Христовой (Патриарх Алексей II (Ридигер). Ежегодное епархиальное собрание города Москвы 2004 г.);

Мы не должны ни злорадствовать, ни делаться какими-то сторонними наблюдателями (И. Мейендорф. Православное свидетельство в современном мире).

В этих употреблениях, отчасти благодаря эпитетам *сторонний, пассивный*, выражается значение социальной и духовной пассивности, эмоциональной инертности.

Значение социальной пассивности актуализируется также с помощью антитезы, которая строится с использованием слова *наблюдатель*. Это тоже весьма распространенный способ художественной репрезентации понятия «наблюдатель»:

Но в этих произведениях он уже не борец, не человек, живущий активной жизнью, а как бы сторонний наблюдатель, смотрящий на жизнь со слабой скептической улыбкой (Б. Полевой. Несколько слов о Джеке Лондоне);

Странное чувство вдруг пронизало меня – будто бы я не наблюдатель, а часть этого нью-йоркского мгновения, просто расплывчатый лик за мутным окном «Рэдджи» (В. Аксенов. Круглые сутки нон-стоп);

И тот, кто из простого наблюдателя превращался в участника действия, на глазах преображался, прыгая и веселясь, словно дитя (О. Акулова, Г. Арутюнов. «Широкая Масленица» в Москве) и т. п.

Антитеза строится на противопоставлениях понятий «борец/пассивный скептик», «активный/сторонний», «вне социальной жизни/часть жизни», «зритель/участник». И эти противопоставления открывают новые грани семантики этого слова, свидетельствующие о его движении из области обозначения перцептивно-психологических процессов в область оценки социальной активности человека.

Таким образом, слово *наблюдатель* имеет свою специфику когнитивно-семантического переосмысления заложенных в его содержании перцептивных компонентов. Определяет эту специфику, на наш взгляд, прежде всего дискурсивная функция этого слова – его использование в структуре особых обобщенно-дейктических или образительных фрагментов текста, имплицитных противопоставление видимого, внешнего, наблюдаемого сущностному, внутреннему, скрытому, ненаблюдаемому. Развитием логики этого противопоставления является формирование представлений о том, что наблюдаемое – это основа типичного, расхожего мнения, того, что называется «поверхностным» впечатлением. Именно с этим аспектом изображения мира связано понятие по слову *наблюдатель*.

Как видим, беглый анализ всего двух слов из обширной группы единиц, относящихся к наименованиям лица по перцептивным действиям, позволяет реконструировать весьма характерную тенденцию, отличающую слова этой категории от других номинативных явлений. В плоскости лингвистической интерпретации к этим тенденциям относится тяготение данных слов к предикативности, которая может быть определена не только в структурно-синтаксическом аспекте (как функция сказуемого), но и в семантическом плане – как функция характеристики, изображения, обозначения тех или иных признаков названного в контексте субъекта.

С точки зрения отражения в слове когнитивных процессов эта лексика характеризуется своеобразной «социальностью», коммуникативностью и дискурсивностью происхождения и употребления. Эти ее особенности позволяют по-новому взглянуть на саму семантическую категорию наименования лица и на проблемы, связанные с изучением этого слоя общезыковой семантики.

Примечания

- 1 См.: Демьянков В. Личность, индивидуальность и субъективность в языке и речи // «Я», «СУБЪЕКТ», «ИНДИВИД» в парадигмах современного языкознания : сб. науч.-аналит. обзоров. М., 1992. С. 10.
- 2 Там же. С. 25.
- 3 Речь идет о нарицательных наименованиях, а не об именах собственных – антропонимах, возникновение и употребление которых относится к процессу *именования*, являющемуся процессом не столько лингвистическим, сколько социальным.
- 4 Это сходство проявляется также в том, что лицо часто обозначается субстантивированным прилагательным: *слепой, хромой, русский, одноногий, дежурный, военный* и т. п.
- 5 Личность – «устойчивая система социально значимых черт, характеризующих индивида как члена того или иного общества» (Демьянков В. Указ. соч. С. 10).
- 6 Степанов Ю. Имена, предикаты, предложения (Семиологическая грамматика). М., 1981. С. 89.
- 7 Майтинская К. Местоимения в языках разных систем. М., 1969. С. 157.
- 8 Подробный структурно-семантический анализ таких употреблений см.: Бабайцева В. Система одноставных предложений в современном русском языке. М., 2004.
- 9 См.: Семенова С. О коннотациях наименований наблюдаемых объектов // Логический анализ языка. Языки эстетики : Концептуальные поля прекрасного и безобразного. М., 2004. С. 574.
- 10 Там же. С. 580.
- 11 Понятие «действие» используется в данном случае в широком процессуальном значении «компонент, аспект перцептивного *процесса*, в том числе действия и состояния». О противопоставлении действия состоянию см.: Авдеева О. Семантика состояния vs. действие в содержании перцептивных глаголов // Изв. Саратовского университета. Нов. сер. 2012. Т. 12. Сер. Филология. Журналистика, вып. 2. С. 10–18.
- 12 Здесь и далее литературный и публицистический материал цитируется по : Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 20.08.2012).
- 13 См.: Степанов Ю. Указ. соч.
- 14 Там же. С. 90.
- 15 Там же.
- 16 Потому так много в языке наименований по профессии, роду, сфере, направленности социальной деятельности (*врач, строитель, политик, экономист, священник, мещанин* и т. п.), не считая наименований по должности, званию, специализации (*стоматолог*), социальному статусу (*пенсия*) и т. п., которые опосредованно тоже связаны с социальной деятельностью.
- 17 Словарь русского языка : в 4 т. М., 1985–1988 (далее – МАС).
- 18 Там же.
- 19 Михельсон М. Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний : в 2 т. М., 1994. Т. 1. С. 55.
- 20 Там же. С. 177.
- 21 МАС.
- 22 См.: Алефиренко Н. Дискурсивный анализ : традиции и инновации // Язык. – Сознание. – Культура. – Социум : сб. докл. и сообщ. междунауч. конф. памяти профессора И. Н. Горелова. Саратов, 2008. С. 12–15.
- 23 Там же. С. 13.
- 24 МАС.